

Научная статья

УДК 811.161.1

doi: 10.20323/2499-9679-2022-1-28-125-132

Отражение референциальных ситуаций в оценочной семантике русских и английских паремий с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами

Любовь Алексеевна Ермакова¹, Светлана Юрьевна Лаврова²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17

²Доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5

¹s.eadem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9263-2747>

²svella1012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3628-3463>

Аннотация. В статье представлен анализ референциальных ситуаций в русских и английских паремиях с семантикой ‘начала’ и ‘конца’, извлечённых методом сплошной выборки из лексикографического дискурса русского и английского словарей. Объектом анализа данной работы послужили русские и английские паремии с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами. Предметом анализа выступают референциальные ситуации, получившие языковое выражение в оценочной семантике рассматриваемых паремий, в которых выявляются пропозициональные смыслы, закреплённые за такими универсальными понятиями наивной картины мира как «начало» и «конец». Основной целью исследования является семантико-прагматический анализ оценочных паремий с абстрактными субстантивами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending», а так же их деривационных и смысловых репрезентаторов. Русские и английские паремии, анализируемые в контексте референциальных ситуаций, рассматриваются нами как определённые типы семантических высказываний. Результаты показывают, что, как правило, паремии с лексемами «начало» / «конец», «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами фиксируют в языковой конструкции знание-предостережение, знание-совет или знание-констатацию. Специфика описываемых в высказываниях референциальных ситуаций как русских, так и английских паремий с выбранными лексемами и их смысловыми репрезентаторами предопределяет их как: контролируемые – неконтролируемые, конкретизируемые – неконкретизируемые. Отмечается, что понятие оценочности пронизывает практически все рассматриваемые паремии обоих языков, но смысловая форма ее репрезентации в разных конструкциях различна. Делается вывод о том, что исследуемых языках одни и те же референциальные ситуации оцениваются говорящими по-разному с учётом специфики национально-культурных особенностей русского и английского языков.

Ключевые слова: референциальная ситуация; оценочная семантика; русские и английские паремии; лексемы начало/конец; лексемы beginning/ending; смысловые репрезентаторы; лексикографический дискурс

Для цитирования Ермакова Л. А., Лаврова С. Ю. Отражение референциальных ситуаций в оценочной семантике русских и английских паремий с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1 (28). С. 125-132. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-125-132>

Original article

Depiction of referential situations in the evaluative semantics of Russian and English proverbs with the lexemes «nachalo» / «konets» and «beginning» / «ending» and their semantic representatives

Lyubov A. Ermakova¹, Svetlana Yu. Lavrova²

¹Candidate of philological sciences, associate professor of the department of Romance and Germanic languages, Kostroma state university. 156005, Kostroma, Dzerzhinsky St., 17

²Doctor of philology, professor of the department of Russian philology and applied communications, Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, Lunacharsky Ave. 5

¹s.eadem@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9263-2747>

²svella1012@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3628-3463>

© Ермакова Л. А., Лаврова С. Ю., 2022

Abstract. The article presents an analysis of referential situations in Russian and English proverbs with the semantics of 'beginning' and 'ending', extracted by the continuous sampling method from the lexicographic discourse of Russian and English dictionaries. The object of the analysis is Russian and English proverbs with the lexemes «nachalo» / «konets» and «beginning» / «ending» and their semantic representatives. The subject of the analysis is referential situations that have received linguistic expression in the evaluative semantics of the paroemias under consideration, in which propositional meanings, assigned to such universal concepts of the naive picture of the world as «beginning» and «ending», are revealed. The main goal of the study is a semantic-pragmatic analysis of evaluative paroemias with abstract nouns «nachalo» / «konets» and «beginning» / «ending», as well as their derivational and semantic representatives. Russian and English proverbs analyzed in the context of referential situations are considered as certain types of semantic statements. The results show that, as a rule, paroemias with the lexemes «nachalo» / «konets», «beginning» / «ending» and their semantic representatives reproduce a knowledge-warning, knowledge-advice or a knowledge-statement. The specificity of the referential situations described in the utterances of both Russian and English paroemias with selected lexemes and their semantic representatives classifies them into controlled – uncontrolled, specified – non-specified. It is noted that the concept of evaluation permeates almost all the proverbs of both languages, but the semantic form of its representation in different constructions is not the same. It is concluded that in the languages under study the speakers evaluate the same referential situations differently, taking into account the specifics of the national and cultural characteristics of the Russian and English languages.

Key words: referential situation; evaluative semantics; Russian and English proverbs; lexemes «nachalo» / «konets»; lexemes «beginning» / «ending»; semantic representatives; lexicographic discourse

For citation: Ermakova L. A., Lavrova S. Y. Depiction of referential situations in the evaluative semantics of Russian and English proverbs with the lexemes «nachalo» / «konets» and «beginning» / «ending» and their semantic representatives. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2022;(1):125-132. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-125-132>

Введение

Одной из форм категоризации внеязыковой действительности в сознании говорящего человека можно назвать референциальные (референтные) ситуации, воплощающиеся с помощью языка в конкретных функциональных высказываниях. Данная проблематика активно изучается российскими исследователями как с точки зрения определения специфики референтных ситуаций (соотношения экстралингвистики и прототипической семантики языка) [Арутюнова 1998; Шмелев 2002, Попова 2003, Лингвистика 2009; Сергеева 2008; Долинин 2010; Яковлева 2010, Сидельников 2013. Болдырев 2019 и др.], так и с точки зрения анализа референтных ситуаций в разножанровых текстах [Фролова 2007; Абакумова 2010; Ковшова 2017 и др.].

Высказывания с семантическими универсальными смыслами, выраженными в структуре простого (реже – сложного) предложения, обладающие афористичностью, устойчивостью и воспроизводимостью в речи, номинируются как паремии. Человек, создавший пословицы, – прежде всего говорящий, потому что устная форма их репрезентации первична.

Объектом анализа данной работы послужили русские и английские паремии с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их смысловыми репрезентаторами, представленные

в двух базовых словарях: Даль В. И. «Пословицы и поговорки русского народа» и «The Oxford Dictionary of English Proverbs».

Актуализация явления референции в современных языках и способы ее изучения обусловлены различными факторами, среди которых особое место занимает референциальный анализ воспроизводимых высказываний в контексте паремиологического дискурса.

Паремиологический дискурс является первичной сферой функционирования пословиц. Данный дискурс коррелирует как с лексикографическим (словарным) дискурсом, из недр которого извлекаются интересующие нас конструкции, так и с функциональными дискурсами, от институционального до персонально-личностного, в которых употребляются паремии. Помимо этого, выбранное нами сопоставление русских и английских паремий позволяет ориентироваться и на лингвокультурологический дискурс менталитетов разных стран.

Как справедливо отмечает исследователь О.В. Ломакина, словарь паремий «запечатлевает языковую реальность, помогает представить языковую картину мира, являясь источником культурологической информации» [Ломакина 2018, с. 40]. Лексикографический (словарный) дискурс можно охарактеризовать как оценочный, поскольку обозначенные в паремиях разноаспектные ситуации так или иначе представлены с язы-

ковой оценкой, потому что сентенциальные конструкции по своей сути всегда оценочные.

Предметом нашего анализа выступают референциальные ситуации, получившие языковое выражение в оценочной семантике рассматриваемых паремий, в которых выявляются пропозициональные смыслы, закрепленные за такими универсальными понятиями наивной картины мира как «начало» и «конец».

В данной работе мы ограничиваемся анализом референциальных ситуаций как внеязыковых параметров формирования паремий, представленных в лексикографическом (словарном) дискурсе.

Обосновывая понятие ситуации, обратимся к работе лингвиста Л. И. Горбуновой, отмечающей, что сам термин «ситуация» наиболее релевантен при описании внеязыковой действительности, поскольку «это положение дел, совокупность обстоятельств, обстановка, что может быть применено как к визуально воспринимаемым фрагментам действительности, так и к нефизическим обстоятельствам <...> ситуация подразумевает участников и отношения между ними» [Горбунова, 2010, с. 358].

Референциальная (синоним – референтная) ситуация определяется как ее соотносимость с действительностью при функционировании единицы в речи [Падучева, 2004]. Паремии, получившие словарный статус, своим источником имеют разговорную речь, поскольку в большинстве случаев выявлены из фольклорного хронотопа.

Русские и английские паремии, анализируемые в контексте референциальных ситуаций, рассматриваются нами как определенные типы семантических высказываний. В работе И. П. Матхановой предлагаются различные референциальные аспекты описания семантического типа высказывания. Нас интересует первый из данных аспектов – характеристика по способу получения информации, в которой выделяются непосредственное восприятие, логические операции, пересказ чужой речи и так далее [Матханова 2011, с. 138].

Референциальная семантика оценочной лексики – одно из актуальных направлений изучения современной функциональной семантики. В данной работе речь идет о функционально-прагматическом направлении в анализе паремий, суть которого состоит в определении референциальных ситуаций, структурирующих паремиологическое пространство в целом и в частности при

сравнительном анализе материала двух разных языков. Отметим, что референциальные ситуации отражают специфику формирования концептуализации мира говорящих.

Цель данной работы заключается в семантико-прагматическом анализе оценочных паремий с абстрактными субстантивами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» в качестве ключевых, а так же их репрезентаторов, выраженных языковыми единицами конкретной семантики.

В качестве основных методов анализа выбираются метод сплошной выборки, сравнительно-сопоставительный метод, структурно-семантический анализ, смысловая интерпретация дискурса.

Основная часть

Порождение оценочных выражений, формирующихся на основе референциальных связей, обусловлено определённым типом референциальной ситуации. В связи с целевыми установками говорящего осуществляется та или иная референция по отношению к объектам внеязыковой действительности.

Обращаясь к работе И. Ю. Колесова, отмечаем, что ментальная репрезентация определяется учёными как знание, пропозиция же – как средство вербального описания референциальной ситуации [Колесов, 2007, с. 5]. Соответственно, знание, которое зафиксировано в анализируемых паремиях, приобретает ментальный характер на основе фактов жизни говорящего – событий, сопровождающих данные факты, оценки результативности случившегося – и помогает сформировать суждения-сентенции, обладающие свойством воспроизводимости, обобщённости и устойчивости.

В анализируемых паремиях с указанными лексемами нет референции по поводу предметных ситуаций, все ситуации характеризуются как ментальные (мыслительные), поскольку в них фиксируется опыт говорящего. Те абстрактные истины, которые заключены в сентенциях, есть результат исключительно логических операций говорящих, результат обобщения поведенческих норм, предостерегающих от ошибок. В некоторых высказываниях – попытка автора осуществить контроль за другими участниками ситуации. Событийные пропозиции были, вероятно, в определённый период времени наполнены конкретными действиями человека и конкретным знанием, которое возникло после того, как события миновали и оставили след воспоминаний.

Повторение результата, характеризующего событийные пропозиции, сыграло свою роль: паремии-сентенции создавались человеком как форма обобщения пережитого, того фрейма, который сформировался в сознании говорящего при сопровождении событий. Так родилось знание-предостережение. По большому счёту, паремии с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» и их деривационными и смысловыми репрезентаторами фиксируют в языковой конструкции либо знание-предостережение, знание-совет: (например: «Сначала думай, а под конец делай»; «He who would climb the ladder must begin at the bottom»), либо знание-констатацию: (например: «Без начала нет конца», «Liars begin by imposing upon others, but end by deceiving themselves»). Отмечая специфику референциальных ситуаций, зафиксированных в языковой форме в паремиях двух языков, акцентируем внимание на том, что в данных ситуациях получают выражение конкретные пропозиции, оценочно характеризующие человеческое поведение, например: «Зачин (начин, почин) дело красит» или: «What the fool does in the end, the wise man does at the beginning».

«Языковые выражения как факты языка лишены референции, но благодаря своей структуре они обладают предназначением для использования с тем или иным статусом или статусами», – отмечает исследователь О. Б. Абакумова [Абакумова, 2011, с. 7]. Автор констатирует, что описание референции пословиц, их семантики и прагматики проводится в рамках модели актуализации смысла пословицы в дискурсе [Абакумова, 2011, с. 8]. Нас интересует именно такой аспект анализа паремий с лексемами «начало» / «конец» и «beginning» / «ending» в структуре лексикографического дискурса.

Субъективное толкование реалий мира, получившее языковое выражение в паремиях, но обладающее определенной прецедентностью в национальной культуре народа, представляет особый интерес в том случае, когда речь идет об абстрактных понятиях, интерпретированных в прагматическом контексте.

Материал показывает, что специфика описываемых в высказываниях референциальных ситуаций как русских, так и английских паремий с выбранными лексемами и их смысловыми репрезентаторами предопределяет их как: а) контролируемые – неконтролируемые ситуации: «Доброе начало – половина дела», «Плохое начало – и

дело стало»; «Charity begins at home», «He that would the daughter win, must with the mother first begin» – «Сколько веревку ни вить, а концу быть»; «As soon as man is born he begins to die», «The first breath is the beginning of death», «Everything hath an end»; б) конкретизируемые – неконкретизируемые ситуации, например: «Без кольца да без венца в деле не живет конца»; «Начал за здравие, а кончил за упокой»; «Почин дороже рубля»; «Начал духом, а кончил брюхом»; «Begin with needles and pins and leave off with horse and horned nowt»; «He that will England win, must with Ireland begin» – «Легко начать, да нелегко кончить»; «Начало трудно, а конец мудрен»; «Good to begin well, better to end well»; «All things in their beginning are good for something».

Контролируемые ситуации часто носят характер предостережения – обоснования поступать тем или иным образом для выполнения задачи действий. Абстрактность понятий начала и конца позволяет говорящему использовать их в качестве поведенческого инварианта: применять советы-рекомендации либо советы-предостережения в любом конкретном деле, которое в каждом случае имеет как начало, так и конец, как и вся человеческая жизнь. В паремиях используются и предикаты, выраженные консигнативно обусловленными антонимичными глаголами, употреблённые в том числе и в повелительном наклонении в качестве предикативной основы (страшать – показывать: «Не стражай началом, покажи конец!»; бояться – беречься: «Не бойся начала, а берегись конца!», и актанты, выраженные именами существительными одной тематической группы (голова – хвост), например: «Где хвост начало, там голова мочало». В анализируемых паремиях представлены и их лексические варианты в рамках одной и той же синтаксической конструкции, например: «Начать – не кончать!» – «Начать – не кончить!»; «The end tries all» – «The end crowns all».

Говорящий субъект не является субъектом предполагаемого действия, он занимает позицию дидактичного наставника, пытающегося обозначить границы возможности в ситуации будущего действия, например: «Не круто (горячо, спешно) начинай, а круто кончай!»; «Умел начать, умей и кончать!»; «Beware beginnings». Следует отметить, что императивные конструкции свойственны именно русским паремиям, в английских они представляют единичные случаи.

Отмечаем, что говорящий субъект пытается контролировать актуализируемую ситуацию в

создаваемом им высказывании. В некоторых ситуациях этот контроль имеет качественную характеристику, например: «Не круто начинай, а круто кончай»; «Вначале запасись, а потом заносись»; «Better come at the latter end of a feast than the beginning of a fray»; «What the fool does in the end, the wise man does at the beginning».

Таким образом, контролируемой ситуация становится только лишь на уровне предупреждения с опорой либо на свой опыт, либо на чужой. Говорящий, осуществляя акт референции, опирается на возможность наличия собственного опыта у собеседника.

Все неконтролируемые ситуации носят характер непредсказуемости, попытки оценочного контроля, который не получается в начале дела и огорчает результатом в конце дела. Ситуации антонимичны по оценочным результатам и рифмуются: гладко – гадко; духом – брюхом («Начал гладко, а кончил гадко», «Начал духом, а кончил брюхом»); breath – death («The first breath is the beginning of death»). В данной группе также представлены лексические варианты паремий, например: «Начал гладко, а кончил гадко» / «Начали гладью, а кончили гады».

Стихийность действий, непредсказуемость результатов в частных ситуациях и разочарование окончанием данных ситуаций сформировали у говорящих негативный фрейм «начало какого-либо действия под знаком «+» конец такого действия под знаком «-». В таком случае фиксируется лишь начало и конец проведенного действия без конкретизации его семантического наполнения. Само действие, соотносимое с промежуточной «серединой», «остаётся за кадром».

Исследователь А. В. Леонова констатирует, что «категория контролируемости / неконтролируемости, помимо отражения реального положения вещей в мире, заключает в себе интерпретативные возможности субъективного представления действительности, сопряженного с выражением модальной семантики» [Леонова, 2012, с. 70]. А. А. Зализняк показывает, что «контролируемость / неконтролируемость ситуации, будучи частью семантики предложения, может определяться не только семантикой глагола, но также и другими компонентами предложения или выводиться из более широкого контекста» [Зализняк, 2006, с. 518].

Все конкретизированные ситуации, представленные в русских паремиях, типа: «Без кольца да без венца в деле не живет конца»; «Начал за здравие, а кончил за упокой»; «Почин дороже

рубля»; «Лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха»; «Начал погудкой, так и кончил дудкой» и т. п., имеют заполненные актантные позиции, например: кольцо / венец; здравие / упокой; почин / рубль – или антонимичные предикаты, например: начал / кончил; есть / будет. В английских, типа: «Begin with needles and pins and leave off with horse and horned nowt»; «He that will England win, must with Ireland begin»; «He who would climb the ladder must begin at the bottom»; «Better come at the latter end of a feast than the beginning of a fray» и т. п., ситуации также имеют заполненные актантные позиции, например: needles, pins / horse, horned nowt; England / Ireland; ladder / bottom; feast / fray и др. или антонимичные предикаты, например: begin / leave off.

Все неконкретизированные ситуации, представленные в паремиях, типа: «Начало трудно, а конец мудрен»; «Начало было трудно, а конец еще труднее»; «Легко начать, да нелегко кончить»; «Good to begin well, better to end well»; «All is well that ends well»; «Well begun is half done» и т. п., часто характеризуются незаполненными актантными позициями и референциально не конкретизированными качественными характеристиками, распространяющими базовые предикаты паремий, например: не мудрено / мудрено; трудно / ещё труднее; легко / нелегко; good / better. Такие паремии могут быть определены как паремии общереферентного типа, поскольку могут быть отнесены к любому говорящему или его адресату. Именно данной особенностью и отличаются обобщающие конструкции, несущие в своей семантике нравоучительный смысл.

В концептуализации начала и конца становится значимым и понятие наблюдателя. Примечательно, что в русской паремиологии присутствуют пословицы как с прямым обращением к виртуальному собеседнику («Не начавши думай, а начавши делай!»); «Не бойся начала, а жди конца!»; «Начиная дело, о конце помышляй!»; «Умел начать, умей и кончать!»; «Не страшай началом, покажи конец!»), так и паремии, в которых выражена позиция наблюдателя («Не дорого начало, а похвален конец»; «Не дорого начало, а похвален конец»; «Всякое дело с концом хорошо»). В английском языке паремии редко строятся на прямом обращении, чаще всего они описываются ситуации именно с позиции наблюдателя («All things in their beginnings are good for something»; «He begins to die that quits his desires»; «Well begun is half done»; «He who commences many things, finishes but few»).

Исследователь З. Д. Попова отмечает, что «абстрактные понятия формируются на основе тех семантических признаков, которые накоплены в языковом сознании народа, хотя в нем они могут оставаться рассыпанными по разным средствам выражения. Соответственно, их репрезентантами могут выступать любые явления, предметы, действия, признаки и так далее» [Попова, 2003, с. 140]. Корпус выделенных пословиц показывает, что конкретизируемые паремии с лексемами «начало»/«конец» и их дериватами могут быть выражены репрезентантами данных базовых лексем: приезд–отъезд («Не суди по приезде, суди по отъезду»); утро–вечер («Красному утру не верь! Хвались вечером, днем не сеченый»); девичество–замужество («Что в девках ни было, да теперь замужем») и т. п. В английских паремиях репрезентаторы расширяют значения «начала» и «конца», уточняя их границы, например: birth – death («The first breath is the beginning of death»); war – peace («Of all wars peace is the end»); feast – fray («Better come at the latter end of a feast than the beginning of a fray»); sweet – sour («Sweet sauce begins to wax sour»); passion – repentance («The end of passion is the beginning of repentance»); fool – wise man («What the fool does in the end, the wise man does at the beginning»); daughter – mother («He that would the daughter win, must with the mother first begin»); England – Ireland («He that will England win, must with Ireland begin») и др.

Если такие лексемы как приезд / отъезд или sweet / sour являются языковыми антонимами в обоих языках, то лексемы daughter / mother, England / Ireland используются в структуре паремий исключительно как контекстуальные антонимы, приобретая оппозитивный смысл в конкретных предложениях.

Смысловые репрезентаторы, актуализирующие абстрактные понятия «начало» / «конец», представляют собой реалии, осознаваемые говорящим на уровне его перцептивных возможностей (кислое – сладкое), области чувств (passion – repentance), календарных традиций и временных промежутков (утро – вечер; приезд – отъезд; здравие – упокой) и т. п.

Все отмеченные выше ситуации характеризуются либо эксплицитной оценкой, либо имплицитной оценкой действительности: «Дело без конца, что кобыла без хвоста», «Всякое дело с концом хорошо», «Путному началу благой конец», «Где хвост начало, там голова мочало», «Well begun is half done», «All things in their

beginning are good for something», «Good to begin well, better to end well» – «Сколько веревку ни вить, а концу быть» (плохие поступки проявятся и наступит возмездие); «Begin with needles and pins and leave off with horse and horned nowt» (те, кто начинают с мелкого воровства, заканчивают более серьезными преступлениями). В центре внимания оказывается чаще всего объект оценки, субъектом оценки выступает сам говорящий, осуществляющий акт референции по отношению к своему виртуальному (в контексте паремий как народного опыта) собеседнику. Несмотря на явное отсутствие конкретного собеседника в лексикографическом (словарном) дискурсе, неизвестные авторы большого количества паремий в силу назидательно-дидактического характера предложений подразумевают этого собеседника, отражая референциальную ситуацию в речи.

Отметим, что понятие оценочности, несмотря на то что выделено как конкретный признак классификации, в той или иной мере пронизывает практически все рассматриваемые паремии обоих языков. Однако смысловая форма ее репрезентации в разных конструкциях различна.

Заключение

Подводя итог нашим наблюдениям, констатируем: 1) референциальные ситуации, получающие языковое отражение в паремиологических структурах с концептуальными сущностями начала/конца, не отличаются особым разнообразием, поскольку актуализируют в дискурсе одни и те же смыслы: предельности, контролируемости / неконтролируемости, конкретизируемости / неконкретизируемости; 2) говорящий фиксирует знание-совет, знание-предостережение, знание-констатацию; 3) говорящий акцентирует обращение к обобщенному виртуальному собеседнику, стремясь с помощью оценочной составляющей, используя разные референциальные механизмы, описать результативность выбора грамотного поведения с наличием четкого контроля над ситуацией / нерезультативность – при игнорировании советов.

В плане сопоставления русских и английских паремий отмечаем, что в силу различия менталитетов (в частности, межличностных взаимоотношений) одни и те же референциальные ситуации по-разному оцениваются говорящими: выявляется прямолинейная форма оценочности и ярко выраженный императив у русских, например: «Не круто начинай, а круто кончай», «Не хвались отъездом, а хвались приездом; определенная

сдержанность прослеживается в оценке ситуаций у англичан, например: «Such beginning, such end», «Good to begin well, better to end well». Отличительной особенностью выступает и различное отношение говорящего к виртуальному собеседнику: в русских поговорках говорящий стремится, учитывая собственный опыт, напрямую обратиться к виртуальному собеседнику, чтобы помочь ему не оказаться в трудной ситуации; в английских поговорках говорящий чаще всего представлен как независимый наблюдатель, старающийся с отсутствием эмоциональной сердечности классифицировать специфику той или иной референциальной ситуации.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Референция // БЭС. Языкознание. Москва : БРЭ, 1998. С. 411–412.
2. Абакумова О. Б. Пословичный концепт, деонтические нормы и языковая личность // Вестник ОГУ. Орел. 2010. № 3 (11). С. 130–137.
3. Абакумова О. Б. Проблемы референции и инференции пословиц и референциально-ролевая грамматика // Язык и культура. Языкознание и литературоведение. Томск. 2011. № 3 (15). С. 1–10.
4. Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.
5. Горбунова Л. И. Прототипическая ситуация: к вопросу о содержании термина и перспективах его использования // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2010. № 4(45). Иркутск. С. 356–361.
6. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Москва : ЭКСМО-Пресс, 2000. 606 с.
7. Долинин К. А. Интерпретация текста: Французский язык : Учебное пособие. Изд. 4-е. Москва : Ком-Книга, 2010. 304 с.
8. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. Москва : Языки славянских культур, 2006. 672 с.
9. Ковшова М. Л. К вопросу о культурной референции пословиц (на материале русских пословиц с образами одежды) // Слово.ру : балтийский акцент. Калининград. 2017. Том 8. № 3 «Трансферы в языке и культуре». Часть 1. С. 67–93.
10. Колесов И. Ю. О связи между ментальной репрезентацией, концептуализацией референтной ситуации и пропозицией как формами представления знаний // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2007. № 2. С. 5–14.
11. Леонова А. В. Специфика потенциальной модальности в ситуации неконтролируемого действия // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2012. № 1. С. 70–72.
12. Лингвистика и экстралингвистика: аспекты коннотативного значения: Коллективная монография /

отв. ред. Н. М. Перельгут. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2009. 158 с.

13. Ломакина О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль : монография / под ред. В. М. Мокиенко. Москва : РУДН, 2018. 344 с.
14. Матханова И. П. Референция, инференция и описание семантики высказывания // Сибирский филологический журнал. Языкознание и литературоведение. Новосибирск, 2011. № 3. С. 136–143.
15. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. Москва : Языки славянской культуры. 2004. 608 с.
16. Попова З. Д. Концептуальная природа абстрактных понятий // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. Воронеж. 2003. № 1. С. 132–141.
17. Сергеева Ю. М. Экстралингвистическая ситуация как один из факторов порождения внутренней речи индивидуума // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2008. № 27. С. 122–130.
18. Сидельников В. П. Слова, значения, смыслы в их соотношении с внеязыковой действительностью // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Донецк, 2013. Том 26 (65). № 1. С. 18–24.
19. Фролова О. Е. Мир, который стоит за текстом. Москва : Изд-во ЛКИ, 2007. 320 с.
20. Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. Москва : Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
21. Яковлева Е. В. Механизм референции. Тенденции изучения // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2010. № 18 (89). Выпуск 7. Санкт-Петербург. С. 175–182.
22. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford : At the Clarendon Press, 1935. 644 p.

Reference list

1. Arutjunova N. D. Referencija = Reference // BJeS. Jazykoznanie. Moskva : BRJe, 1998. S. 411–412.
2. Abakumova O. B. Poslovichnyj koncept, deonticheskie normy i jazykovaja lichnost' = Proverbial concept, deontic norms and linguistic personality // Vestnik OGU. Orël. 2010. № 3 (11). S. 130–137.
3. Abakumova O. B. Problemy referencii i inferencii poslovic i referencial'no-rol'evaja grammatika = The problems of referential and inferential proverbs and referential role grammar // Jazyk i kul'tura. Jazykoznanie i literaturovedenie. Tomsk. 2011. № 3 (15). S. 1–10.
4. Boldyrev N. N. Jazyk i sistema znanij. Kognitivnaja teorija jazyka = Language and the knowledge system. Cognitive theory of language. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2018. 480 s.
5. Gorbunova L. I. Prototipičeskaja situacija: k vo-
prosu o soderžanii termina i perspektivah ego
ispol'zovanija = Prototypical situation: on the content
of the term and prospects for its use // Vestnik Irkutskogo
gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. 2010. №

4(45). Irkutsk. S. 356–361.

6. Dal' V. I. Poslovicy i pogovorki russkogo naroda = Proverbs and sayings of the Russian people. Moskva : JeKSMO-Press, 2000. 606 s.

7. Dolinin K. A. Interpretacija teksta: Francuzskij jazyk = Text interpretation: The French language: Uchebnoe posobie. Izd. 4-e. Moskva : KomKniga, 2010. 304 s.

8. Zaliznjak A. A. Mnogoznachnost' v jazyke i sposoby ee predstavlenija = Linguistic polysemy and the ways of its representation. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2006. 672 s.

9. Kovshova M. L. K voprosu o kul'turnoj referencii poslovic (na materiale russkih poslovic s obrazami odezhdy) = On the cultural references of proverbs (on the material of Russian proverbs with images of clothes) // Slovo.ru : baltijskij akcent. Kaliningrad. 2017. Tom 8. № 3 «Transfery v jazyke i kul'ture». Chast' 1. S. 67–93.

10. Kolesov I. Ju. O svyazi mezhdu mental'noj reprezentaciej, konceptualizaciej referentnoj situacii i propoziciej kak formami predstavlenija znanij = On the relationship between mental representation, referential situation conceptualization, and proposition as forms of knowledge representation // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. Tambov, 2007. № 2. S. 5–14.

11. Leonova A. V. Specifika potencial'noj modal'nosti v situacii nekontroliruemogo dejstvija = Specificity of potential modality in the uncontrolled situation // Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. Voronezh, 2012. № 1. S. 70–72.

12. Lingvistika i jekstralingvistika: aspekty konnotativnogo znachenija = Linguistics and extralinguistics: aspects of connotative meaning : kollektivnaja monografija / otv. red. N. M. Perel'gut. Nizhnevartovsk : Izd-vo Nizhnevart. gumanit. un-ta, 2009. 158 s.

13. Lomakina O. V. Frazеologija v tekste: funkcionirovanie i idiosstil' = Phraseology in the text: function and idiosstyle : monografija / pod red. V. M. Mokienko. Moskva : RUDN, 2018. 344 s.

14. Mathanova I. P. Referencija, inferencija i opisanie semantiki vyskazyvanija = Reference, inference, and description of the utterance semantics // Sibirskij filologičeskij zhurnal. Jazykoznanie i literaturovedenie. Novosibirsk, 2011. № 3 . S. 136–143.

15. Paducheva E. V. Dinamicheskie modeli v semantike leksiki = Dynamic models in lexical semantics. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury. 2004. 608 s.

16. Popova Z. D. Konceptual'naja priroda abstraktnyh ponjatij = The conceptual nature of abstract concepts // Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki. Voronezh. 2003. № 1. S. 132–141.

17. Sergeeva Ju. M. Jekstralingvističeskaja situacija kak odin iz faktorov porozhdenija vnutrennej rechi individuuma = The extralinguistic situation as a factor in generating a person's inner speech // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Cheljabinsk, 2008. № 27. S. 122–130.

18. Sidel'nikov V. P. Slova, znachenija, smysly v ih sootnesenii s vnezjazykovoj dejstvitel'nost'ju = Words, meanings, senses in their correlation with extra-linguistic reality // Učenyje zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Serija «Filologija. Social'nye kommunikacii». Doneck, 2013. Tom 26 (65). № 1. S. 18–24.

19. Frolova O. E. Mir, kotoryj stoit za tekstom = World behind the text. Moskva : Izd-vo LKI, 2007. 320 s.

20. Shmelev A. D. Russkij jazyk i vnezjazykovaja dejstvitel'nost' = The Russian language and extralinguistic reality. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 s.

21. Jakovleva E. V. Mehanizm referencii. Tendencii izučenija = The reference mechanism. Trends in research // Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki. 2010. № 18 (89). Vypusk 7. Sankt-Peterburg. S. 175–182.

22. The Oxford Dictionary of English Proverbs. Oxford : At the Clarendon Press, 1935. 644 p.

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 15.01.2022; принята к публикации 26.01.2022.

The article was submitted on 15.12.2021; approved after reviewing 15.01.2022; accepted for publication on 26.01.2022.